

СВЯТА

Илона Вольнская
Кирилл Кашеев

ЖРИЦА ГОЛУБОГО ОГНЯ

МОСКВА 2012
ЭКМО

Через два Дня

Свиток 1

О ШКОЛЕ БУДУЩИХ ЖРИЦ

— **Д**

альше, дальше рассказывай, Тайрыма! – Дарпек возбужденно запрыгала на домашней пуховой перине, вместо обычного тощего казенного матраса покрывающей вытесанную из широкого ледяного бруса койку.

– А дальше меня... ну, с родителями, конечно... пригласили на прием ко двору Снежной Королевы! – откликнулась Тайрыма, давая понять, что визиты в Зимний Дворец для нее дело привыч-

ное и даже слегка поднадоевшее.

Но узенькие глазки на пухлом личике гордо заблестели, когда у девчонок вырвался дружный вздох восхищения. Из двух десятков учениц, набившихся в не слишком просторную спальню Храмовой школы, лишь девчонка на соседней койке оставалась равнодушной к рассказам о светской жизни. Лежит себе, уткнувшись в свиток, – делает вид, что даже не слышит, какой неслыханной чести удостоилась Тайрыма! Эта дрянь безродная вечно портит ей настроение!

– Моя тетка – прославленная жрица Метаткар – представила меня Королеве как лучшую ученицу нашей школы! – возвысила голос Тайрыма.

– Ты это заслужила! – немедленно закивала Дарпек, но восторги подружки сейчас не слишком интересовали Тайрыму.

– А вот Аякчан, похоже, так не считает, – вкрадчиво сказала она, в упор разглядывая читающую девчонку.

– Аякчан считает домашнее задание – объем Голубого огня, необходимого для освещения города в Ночное время, – равнодушно откликнулась та, делая пометку на свитке угольным карандашом.

– Королева улыбнулась Тайрыме! – немедленно кинулась на помощь подружке Дарпек.

– Ну, гораздо хуже было бы, если б она заплакала, – не отрывая глаз от свитка, рассудительно отозвалась Аякчан.

Круглое, как луна, лицо Тайрымы налилось краской гнева.

– А... ну... мальчишки... при дворе были? – спеша предотвратить надвигающуюся ссору, вмешалась маленькая, похожая на белочку, Юлтэк¹ и тут же густо покраснела.

– Да-да, расскажи нам про мальчишек! – девчонки жадно сгрудились вокруг Тайрымы.

– Еще как были! Все золотом расшитые, серебром распестренные, а уж воспитаны-то как! Вот, глядите! – Она запустила полненькие пальцы за глубокий вырез своего изукрашенного южным лазуритом придворного платья (надела, чтоб показать девчонкам, да так и не стала снимать!) и вытащила оттуда тоненький берестяной свиток. – Один мне даже стихи написал! – засмущалась Тайрыма, протягивая свиток Дарпек.

– О-о-х! – стараясь не дышать, верная подружка почтительно развернула бересту, откашлялась и

---

¹ Юлтэк – белочка (эвенк.).

трепещущим голосом прочла: – О прекрасная Тайрыма с восьмисаженными косами!

Довольная Тайрыма огладила свои черные с проблесками синевы косички.

– О Тайрыма, – слегка подвывая, продолжала читать Дарпек, –

Которую до сих пор
Укрывали в собольи меха,
Одевали в рысьи меха,
Чтобы пыль не пристала к ней,
Чтобы от солнца не почернела она!
Вся ты в мехах дорогих одежд! –

восторженно закончила Дарпек под общий восхищенный вздох и торжествующе покосилась на Аякчан. – Вот! Слыхала?

– Разве я говорила когда-нибудь, что у Тайрымы плохая шуба? – отрываясь от свитка, искренне удивилась Аякчан.

– Ну, хватит! – Неуклюже подобрав подол своего роскошного платья, Тайрыма соскочила с койки и воинственно уперла руки в округлые бока. – Я вам не какая-нибудь! Я – дочь рода Буллет, у моего отца тысяча стад, сотня торговых лавок и дом в столице, а моя тетка Метаткар – в Королевском Совете! И не смеет всякая безродная, что учится при Храме из милости...

– Я хотя бы учусь, – лениво перебила ее Аякчан, – а не упрашиваю родичей, чтоб они выдавали меня за лучшую ученицу!

– Ах, учишься! – со змеиной ласковостью прошипела Тайрыма. – Освещение для города считаешь? Напрасно стараешься! Большие города – для дочек больших родов, которые за обучение платят, а тебе их не видать, как девярых небес! Таких, как

ты, Храм после учебы куда-нибудь на край Средней земли отправляет – тюленей по тундре гонять! Вернешься к привычной жизни!

– Тюлени по тундре не ходят – у них ног нет! А у тебя – мозгов! – сквозь зубы процедила Аякчан, и на ладони у нее начал наливать угрожающей синевой шар Голубого огня.

Тайрыма пригнулась, и на ее хищно изогнутых пальцах тоже вспыхнуло Пламя. Остальные девчонки с визгом порскнули к стенам спальни, и только маленькая Юлтэк, примиряюще выставив ладони, вскричала:

– Не надо, девочки! Вас накажут!

Снизу донесся гулкий звон медного била.

– Ой, звонок! – радостно вскрикнула Юлтэк. – Бежим скорее! – она сунула Аякчан в руки ее свитки и чашу для Огня. Подпихивая подругу в спину, Юлтэк вытолкала ее за дверь общей спальни.

Девчонки побежали через широкий ледяной коридор, то и дело в нарушение строгих школьных правил раскатываясь по скользкому отполированному полу.

– Спасибо, – наконец пробормотала Аякчан. – Если бы я ее прибила, у меня были бы неприятности!

– Да не за что, – легкомысленно отмахнулась Юлтэк. – Просто я хотела про столичных мальчишек послушать – а тебе разве неинтересно, про мальчишек-то?

– Совершенно неинтересно! – надменно сообщила Аякчан. – Я – ученица Храма и сама о себе забочусь, а не мечтаю, что за мной приплывет сказочный полярник на белой льдине и увезет в волшебную страну, где рыбу не ловят, не потрошат, а достают прямо из бесценных железных банок уже

порезанную на кусочки! Не собираюсь я слушать эту жабу Тайрыму!

– Так ведь она правду квакает – таким, как мы с тобой, служба в городах не перепадет! – рассмеялась Юлтэк.

– А тебя это совсем не злит? – с интересом поглядела на нее Аякчан.

Сама Аякчан бывала в ледяном городе всего один раз – вместе с Кэтэри, наставницей по сивирским языкам и шаманской литературе, прихватившей обучающуюся от Храмовой казны ученицу грузить закупленную на всю школу писчую бересту. Да и ехали они всего лишь в стоящий у самой границы тайги Сюр-гуд. Городок вполне мог считаться ровесником девочки – заложили его в день рождения самой Аякчан. Возник он у найденного странствующими жрецами-геологами Места Рождения Огня, где вскоре встал Храм – а за ним и город. Но даже этот молодой город произвел на девочку неизгладимое впечатление. Иногда во сне к ней возвращались его сияющие, как драгоценные кристаллы, дома из голубоватого льда, с покрытыми искусной резьбой стенами, загадочно мерцающие статуи на перекрестках и белоснежная громада Храма с пылающими на фоне черных небес чашами Голубого огня над ней. Если таков обычный город – каково должно быть великолепие древней столицы и главного Храма Огня, этого центра земли Сивирской? Аякчан до боли хотелось хоть раз побывать там – и сознание, что это ей не светит, может, даже до конца ее Дней, вызывало острую, до слез, злость.

– Толстуха умеет в десять раз меньше тебя – а ее ждет прохладненькое местечко в столице, – процедила Аякчан. – А тебе назначат жрицей на участок глухой тайги, и будешь ты всю жизнь мотаться

между стойбищами – Огонь им возжигать! Пока не состаришься, и в один совсем не прекрасный День твой собственный Огонь разнесет тебя в клочья!

– Это судьба каждой из нас – кого-то она ждет раньше, кого-то позже! – легкомысленно отмахнулась Юлтэк. – Зато как меня стойбищные почитать будут! – закатила глаза она. – Хороший дом, добрые олени, полные амбары – что еще надо для счастья? Каждый живет своей жизнью и умирает своей смертью. Без сильного рода за плечами большой начальницей не сделаешься. Надо радоваться тому, что имеешь.

– Да, но мне этого – мало, – одними губами, чтоб ее не услышали, шепнула Аякчан.

Девочки остановились возле высоких классных дверей с изображением святой жрицы Мальвины, что разожгла Огонь Просвещения для диких народов бескрайнего Сивира. У ног голубоволосой народной просветительницы лежал черный ездовой пес загадочной породы – с выющейся кудрявой шерстью, вислыми ушами и кисточкой на кончике хвоста. По легенде, именно он принес святую в Среднюю землю на своей широкой спине. В руках святая Мальвина сжимала свиток с гордым девизом: «Даже чурку можно научить читать!»

Именно из-за этой картинки наставниц школы за глаза (но никогда – в глаза!) называли мальвинами. Девочки перевели дух и чинно, как и подобает ученицам Храмовой школы, вошли в класс.

– Того дугэе ачин! Огонь не имеет конца! – наклонив головы, дружно пропели они.

– Казенным ученицам следует являться в класс пораньше, – не отвечая на ритуальное приветствие, протянула наставница Синяптук. – Не для того Храм вас кормит и одевает, чтоб вы уроки прогуливали!

– Да, наставница Синяптук! – смиренно кивнули девочки.

Та окинула их долгим взглядом и наконец слабо взмахнула короткопалой ладонью:

– Ладно, садитесь!

Не поднимая головы, девочки скользнули к разложенным на прозрачном ледяном полу ученическим коврикам, из которых сейчас занята была едва ли треть. И только усаживаясь, осмелились быстро переглянуться. «У-у, мальвина!» – одними губами шепнула Аякчан. Юлтэк в ответ скорчила рожу.

– Не переговариваться на уроке! – немедленно рявкнула Синяптук, так что обрамляющие окна сосульки тихонько звякнули. Но тут послышался торопливый топот, и в дверях появилась едва успевшая переодеться в обычную храмовую рубаху Тайрыма в сопровождении остальных девонок. Широкое лицо наставницы немедленно расплылось в благостной улыбке. – Того дугае, Тайрымочка! С возвращением, девочка моя! Входи, входи! – наставница вскочила и, обняв Тайрыму за плечи, чуть не на руках внесла ее в класс.

«И никаких замечаний про опоздание», – раскладывая перед собой свитки, зло подумала Аякчан.

– Тайрыма только что вернулась из образовательной поездки – все вы, будущие жрицы, должны странствовать, чтоб лучше узнать Среднюю землю... – продолжала наставница.

Угу, только одних в Зимний Дворец отправляют, а других – как вот их с Юлтэк – в стойбища полудиких иннуитов на самый берег Ледяного Океана. Аякчан чувствовала, как внутри у нее начинает тихонько нарастать гневный жар.

– И там она была удостоена приема у самой Королевы! Это большая честь для всей нашей шко-

лы! – продолжала разливаться Синяптук. – Мы все гордимся тобой, Таечка!

Девчонки в классе разразились невнятным бормотанием, которое при желании можно было принять за одобрение.

– Садись, деточка! – наставница кивнула Тайрыме и тут же рявкнула: – Что встали? По местам все, живо!

Послышался шорох ног, девчонки торопливо разбежались по коврикам и уселись.

– Вам, как будущим жрицам Храма... – Синяптук несколько раз прошлась взад-вперед между ковриками, резко оборачиваясь в надежде поймать непочтительную ухмылку или скорченную за спиной рожу. Но десятки глаз неотрывно следили за ней с выражением подобострастного внимания. – На ваших рабочих местах придется отвечать не только за бесперебойное горение Огня, но еще и за благосостояние вверенных вашему попечению городов... – она многозначительно посмотрела на Тайриму, – селений... – взгляд перебежал на Дарпек, – ну и, конечно, диких племен... – взгляд небрежно мазнул по Аякчан с Юлтэк и еще парочке бесплатных учениц – Жрица Храма должна уметь сотворить из Огня все, потребное для жизни: одежду и обувь, посуду и упряжь, изящный туесок и перекидные вьюки... Поэтому сейчас самостоятельная работа! – снова рявкнула Синяптук. – Каждая из вас подойдет ко мне со своей чашей за порцией Огня. В конце урока сдадите три изделия – посуду, предмет одежды, детскую игрушку. Посмотрим, чему вы научились за прошедший День! – И она повернула вентиль возле учительского сиденья. Шипящая голубая струя хлынула в первую подставленную чашу.

– Остатки Огня в себя не всасывать, из класса не выносить! Запас ограничен! – покрикивала Синяптук.

«Кому ограничен, а кому не очень», – подумала Аякчан, глядя, как чаша Тайрымы до краев наливается светящейся голубизной, и зная, что ей самой перепадет едва ли половина.

– Как всегда – особенное внимание к технике безопасности! Все помнят, что для жриц...

– ...кладбищ не бывает! – хором протянули девчонки, и на этот раз их голоса звучали необычайно серьезно. Слишком хорошо нынешние ученицы третьего Дня обучения помнили, что в первый День их было вдвое больше. И что половина отсеклась... или, скажем так, – рассеялась, во время практических занятий, втянув непосильную для себя меру Огня.

Аякчан поглядела в наполненную Синяптук чашу и усмехнулась – ну, до ее меры тут было ой как далеко! Хорошо, что посуду и одежду можно создать практически из ничего, тут главное – точный расчет! Она зачерпнула полную горсть Огня. Сделает сосуд-чорон – вроде тех, что мать лепила из глины. Аякчан досадливо прикусила губу – еще два Дня назад она запретила себе любые воспоминания о прошлой жизни. А теперь надо попробовать создать теплые чулки-ногoviцы – в последнее время у нее стал получаться мягкий, похожий на снег материал, не такой теплый, как настоящий мех, но уж точно потеплее обычно выходящих из Огня полупрозрачных тряпочек. Ну а игрушка – это уж совсем просто!

Аякчан украдкой оглядела класс. Юлтэк увлеченно лепила из Огня очередную причудливую шапку с цветами и лентами. Толку от этих ее изделий

никакого – ни от жары не защищают, ни от ветра, но красивы, будто сам Огонь! Дарпек, как всегда, выбрала что попроще – рядом с ней уже лежала треугольная косынка и тапка. Зато вид Тайрымы мгновенно наполнил сердце ликованием! Взмокшая так, что капля пота дрожала на носу, их «лучшая ученица» из судорожно дергающегося куска Пламени соорудила одежду, кажется, для одного из многоногих чудищ Седны, Повелительницы Морской Бездны. Во всяком случае, рукавов там проглядывалось явно больше чем два.

Возникшая у Аячкан над плечом Сияптук брезгливо взяла в руки готовую пушистую ноговицу.

– Вижу, ты так ничему и не научилась. – С презрительной усмешкой она повертела ноговицу, помяла пальцем лохматую ткань. – Впрочем, я не удивлена. Голубой огонь сам тонок и сверкающ, и, чтобы творить из него, надо иметь тонкую и прекрасную душу. А тут все грубое, толстое – и ни на что не пригодное! Эту самостоятельную ты завалила, – роняя ноговицу на пол, фыркнула наставница. – Не знаю, как собираешься экзамен сдавать. – И она переместилась к Тайрыме. Та подняла на наставницу затравленный взгляд.

– Хм, – протянула Сияптук, разглядывая лежащее перед Тайрымой многорукое изделие. – Оригинально. Приятно видеть в нашей глуши образчик настоящего придворного вкуса, – она одобрительно покивала. – Заканчивай это и можешь дальше не продолжать – и так видно, что с заданием ты справляешься!

– Спасибо, наставница Сияптук! – радостно выпалила девчонка.

– Мне будет приятно, если ты сообщишь своей тетке, жрице Метаткар, каких успехов ты под моим

руководством достигла в созидании из Огня, – важно сказала Синяптук, удаляясь.

– Конечно, наставница! – еще радостнее завопила Тайрыма, выхватывая из чаши новый клуб Огня и латая им самые вызывающие прорехи в своем изделии.

Ах так! С утра тлеющее в душе раздражение зашевелилось под сердцем, издавая нарастающее рычание яростного зверя. Аякчан длинно и протяжно выдохнула – ну, держись, богатейка! Она пристально уставилась на творение Тайрымы.

Зажатый у ней в пальцах перекошенный рукав полыхнул длинным лепестком Пламени. Наученные горьким опытом девчонки мгновенно кинулись на пол и ползком рванули к стенам, подальше от источника возгорания. Языки Огня разбежались из-под рук визжащей Тайрымы, возвращая все ее творчество первозданному Пламени, которое вспучилось Огненным шаром и с громким треском лопнуло Тайрыме в физиономию.

Над классом повисла тишина. Залегшие девчонки медленно поднимали головы.

– Вы видели? Видели? – вопила Тайрыма. В ледяном полу у ее ног красовалась истекающая паром черная проплавленная дыра. Ощупывая покрасневшее от жара лицо, девчонка потрясенно оглянулась на класс... и увидела так и оставшуюся сидеть на своем месте Аякчан. Отвести взгляд та не успела. Глаза у Аякчан стали невероятной, какой-то треугольной формы. На перепуганную Тайрыму уставились два бездонных провала, в глубине которых бледно-голубыми призраками носились Огненные сполохи.

Тайрыма вытянула трясущийся палец.

– Это ты! Это все ты! Наставница, это она! Она навела порчу на мою чашу с Огнем!

Синяптук подозрительно уставилась на мгновенно перетрусившую Аякчан.

– Я... Я не...

– Что тут за крики? – двери класса распахнулись.

– Старшая наставница! – вскричала Тайрыма, бросаясь к шагнувшей в класс Солкокчон, прозванной «Трижды шелковой» за жутковато-ласковую манеру, с которой она обращалась с провинившимися ученицами. – Вот она! – палец Тайрымы ткнулся в Аякчан. – Навела порчу на мой Огонь!

– Да-да! – немедленно подхватила Синяптук. – Эта девочка, Аякчан, совершенно не старается, и никаких особых способностей я тоже за ней не замечаю. – Она поджала губы. – Не знаю уж, зачем верховная жрица Храма Айгыр рекомендовала ее к обучению в нашей школе!

– Вот она вскоре появится – ее и спросите, – бросила «Трижды шелковая» с бесконечно ласковой улыбкой и двинулась к Аякчан.

– Верховная жрица будет здесь? – всполошилась Синяптук, но старшая наставница не обратила на нее внимания.

Она остановилась у скорчившейся на своем коврике Аякчан и подобрала с пола отвергнутую Синяптук ноговицу.

– Она должна быть теплой, – пробормотала старшая наставница, теребя толстую пушистую ткань в пальцах. – Ты сама такое придумала?

Аякчан заглянула в ласковые-ласковые глаза Солкокчон и содрогнулась. Нет уж, нынче она совершила одну ошибку, второй не будет.

– Это всего лишь моя практическая работа, господа старшая наставница, – с поклоном сказала она. – По указаниям наставницы Синяптук.

– И как же этот материал называется?

– Сияптон! – выпалила Аякчан, стараясь не расхохотаться в глупо вытянувшееся лицо толстой мальвины.

– Не замечала за вами склонности к изобретательству, наставница Сияптук. А вы, оказывается, готовились вписать свое имя в историю Храма, – усмехнулась «Трижды шелковая». – Гениальное решение! Чуть позже вы подробно расскажете, как делается этот... сияптон.

– Вы слишком добры... Сияптон... – пробормотала Сияптук, потерянно глядя то на начальницу, то на невинно уставившуюся ей в глаза ученицу. – Но зачем он нужен? – в отчаянии выпалила она. – Любой охотник добудет сколько угодно теплых мехов...

– Хотя бы, чтоб никто не смел сказать, что Храм не может сделать то, на что способен любой охотник, – перебила ее Солкокчон. – Еще бы против наглых южан что-нибудь подобное придумать... – буркнула она. – А ты, девочка... – ласковый взгляд переместился на Тайрыму, заставляя ту испуганно ежиться, – должна бы знать, что черные шаманы – единственные, кто умел наводить порчу – уже тысячу Дней как истреблены жрицами Храма! Но даже в давние времена среди них не было способных испортить священный небесный Огонь! Кажется, разговоры о твоём назначении в столичный Храм были преждевременными – тебе явно требуется еще подучиться. – Старшая наставница равнодушно отвернулась от перекосившейся в бессильной злобе Тайрымы. – Впрочем, я не об этом пришла говорить с вами, девочки. Как вы все наверняка знаете... – с нажимом начала она, – Голубой огонь, на котором стоит все благополучие

Хра... Средней земли Сивир, возник из голубых слез Най-эквы, многоязыкой Ут, великой хозяйки Огненного Озера Уот Усуутума, божественной сестры повелителя верхних небес Айыы-Тангра, в миг ее высокой печали над людскими грехами и непотребствами. И запас его ограничен!

«А может, опять Уот как следует огорчить? – отстраненно подумала Аякчан, чувствуя, как разжимаются прихватившие внутренности невидимые тиски. – Пусть она еще наревет!» – и тут же торопливо отвела глаза, словно боясь, что кто-нибудь прочтет эту кошунственную мысль.

– Для подготовки новых жриц Храм выделяет школе достаточно Огня. Но кто-то, какое-то чудовище Нижнего мира на нашей Средней земле, видно, не хочет, чтоб вы учились! – старшая наставница гневно встряхнула сжатым кулаком. – После недолгого перерыва вор, уже похищавший из школьных запасов Голубой огонь, начал действовать снова! Именно сейчас, когда нас должны посетить все четыре верховные жрицы разом, – из школьной трубы снова крадут Огонь!